

Н. Д. Зольникова

Н. Н. ПОКРОВСКИЙ КАК ИСТОРИК ЦЕРКВИ И ПРАВОСЛАВИЯ. НАЧАЛО ПУТИ

В статье исследуется становление выдающегося ученого Н. Н. Покровского, с 1992 г. — академика РАН, как историка Русской Православной Церкви. Свою первую работу в 1955 г. он написал как специалист по аграрной истории русского Средневековья, исследовав лишь этот аспект деятельности Церкви и ее монастырей в столкновении с другими собственниками. После открытия в 1968 г. полного «Судного списка» Максима Грека и связанных с ним ранее неизвестных науке важных источников Н. Н. Покровский предпринял исследование и издание нового памятника, включившись в давно уже идущую дискуссию вокруг загадок судьбы и творчества Максима Грека, истории Церкви и государства первой половины XVI в. Несмотря на длительный принудительный перерыв в научной работе, исследование Н. Н. Покровский провел на высоком источниковедческом уровне, используя все достижения тогдашней текстологии; в ходе дискуссии он резко выступил против тенденциозных искажений, свойственных историографии того времени.

Ключевые слова: *при. Максим Грек, нестяжатели, Православная Церковь, историография, текстология.*

Впервые с историей Православной Церкви и ее институтов выпускник МГУ Н. Н. Покровский близко столкнулся при работе над своей кандидатской диссертацией «Актовые источники по истории феодальной собственности в России XIV — начала XVI в.», которую он защитил в МГУ в 1955 г. Ее текст, несколько изменив название, Николай Николаевич положил в основу монографии, изданной в 1973 г. уже в Сибири¹. Работая в обязательной тогда методологической системе теории формаций², он рассматривал, в числе прочего, и функции Православной Церкви, крупных монастырей, а в ряде случаев также «мирских» (по-

¹ Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973. 231 с.

² См.: Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский как исследователь. Новосибирск, 2015. С. 4–13.

строенных крестьянскими общинами с богаделенными целями в том числе) и приходских храмов с точки зрения процессов феодализации. На основе жалованных грамот, судебных и других актов молодой исследователь, привлекая массовый материал, подробно изучил различные способы приобретения земель церковными феодалами, объем и состав жалуемого иммунитета. Рассматривались и пожалования, вклады, сделки как с волостями, так и с отдельными крестьянами. Собственно, многие из этих фактов были известны и исследовались еще учеными дореволюционного времени, также оперировавшими понятием «феодализм» (правда, не в марксистской системе формаций), но как советский историк в ряде случаев Н. Н. Покровский отмечал классовое противостояние. В частности, когда речь шла о захвате монастырями, архиерейскими домами, некоторыми приходскими храмами (последние — на Русском Севере) крестьянских земель. Их верховным собственником являлось государство, которое санкционировало такие захваты или незаконные приобретения привилегированными феодалами, но, как выяснилось, такой санкции не сумели получить вышедшие из низов так называемые «двинские бояре». При всей объективности исследования изредка Н. Н. Покровский позволял себе оценочные высказывания. Так, отмечая тенденциозность актов судопроизводства, искажение истины в судебных актах, он писал: «Часто из самого текста грамоты видно, что подобные заявления (о давнем владении спорной землей. — Н. З.) отражают не действительное положение вещей, а лишь желание благочестивых монастырских старцев или иных феодалов сохранить за собой захваченные земли»³. И в дальнейшем Н. Н. Покровский никогда не скрывал своего личного отношения исследователя к историческим явлениям и персонажам, иногда позволяя себе иронию в их адрес. В данном случае она была призвана отметить противоречие между благочестием, как бы официально присущим статусу монастырского начальства, и несправедливыми делами, хищением у слабых средств к существованию. Отметим, что в этом он был не одинок: о том же толковала нестяжательская публицистика XVI в., с которой он ближе познакомится в конце 1960-х гг. А в 1955 г. историк рассматривал многие попытки судебного противостояния крестьян такому насилию, со всей объективностью отмечая, что иногда они даже удавались — после многолетних дорогостоящих

³ Покровский Н. Н. Актовые источники... С. 27.

проволочек⁴. Чрезвычайно интересны наблюдения Н. Н. Покровского над эволюцией земельной собственности выстроенных северными мирами монастырей и приходских церквей, закончившейся только в конце XVII в. потерей над этими землями мирского контроля и переходом их в полную собственность архиепископской кафедры⁵.

Однако, несмотря на явные симпатии к угнетенным, Н. Н. Покровский не свел цель своей работы к «разоблачению угнетателей», что для советской историографии было рекомендуемым и практически обязательным при любом обращении к истории Русской Церкви. Он делает объективный вывод: хотя «до нас почти не дошло двинских судебных актов, и поэтому вопрос о насильственном захвате монастырями черных земель на Севере очень слабо освещается частными актами», все же «особенно большое значение для увеличения земельных богатств монастырей на Севере имели различные сделки с черными крестьянами; *подавляющее большинство дошедших до нас известий о переходе черных земель к монастырям относится именно к таким сделкам*»⁶ (выделено мною. — Н. З.) Такой итог исследования неожиданно далек от признания преобладания прямого насилия — захватов крестьянских земель Церковью.

Крупнейшее открытие, касающееся истории Русской Церкви XVI в., Н. Н. Покровский сделал неожиданно, во время археографической экспедиции в Горный Алтай летом 1968 г. Тогда в старообрядческом селе Мульта ему удалось получить сборник XVI в. с сочинением, вызывавшим в историографии бурные споры, — «Судный список» Максима Грека. Оно было известно в поздних списках, которые обрывались задолго до конца сочинения на одном и том же месте, из-за чего невозможно было оценить достоверность обвинений, предъявлявшихся Максиму Греку. После того как слипшийся в единый блок сборник, когда-то спасенный из-под снега, находившийся в грудe книг, предназначенных для сожжения в ходе коллективизации на Алтае, был срочно, без очереди отреставрирован в ГИМ, Н. Н. Покровский получил доступ к его тексту⁷.

⁴ Покровский Н. Н. Актовые источники... С. 28.

⁵ Там же. С. 190.

⁶ Там же. С. 191, 192.

⁷ Возможно, этому поспособствовала замечательный палеограф М. В. Щепкина, тогда возглавлявшая отдел древних рукописей и старопечатных книг ГИМ (в нем она проработала более 60 лет), с которой у Н. Н. Покровского установились добрые отношения

Максим Грек — крупнейшая фигура в культуре России и Православной Церкви первой половины XVI в. Казалось бы, перспективы ее изучения в жесткой атеистической среде не могли быть благоприятными. Но замечательный писатель Максим Грек — не только представитель Русской Православной Церкви, но и носитель культуры итальянского Возрождения, а также афонской греческой традиции, вызывавший к себе пристальный интерес зарубежных гуманитариев. К тому же к началу 1970-х гг. невозможность обойтись без исследования древнерусской культуры, общественно-политической жизни средневековой Руси, особенно времени становления и укрепления единого государства, теснейшим образом связанных с историей Русской Церкви, привела к появлению трудов советских медиевистов на эти темы.

Сибирский список оказался не только полным, но и наиболее ранним: сборник был написан на бумаге 1590-х гг. Такое открытие давало возможность недавно отбывшему шестилетний срок политзаключенному Н. Н. Покровскому после долгого перерыва вновь войти в большую науку на очень высоком уровне. Встала задача срочного исследования и издания найденного первоклассного источника. Срочного еще и потому, что занимавшиеся историей общественной мысли русского XVI в.

еще в московский период его жизни. В его архиве сохранилось письмо Марфы Вячеславовны от 27 марта 1969 г., написанное до передачи отреставрированной рукописи в Новосибирск: «Реставрация Новосибирского сборника закончена, он принесен к нам в Отдел и положен в тот же шкаф, где лежит отдельно. Все приведено в порядок, подчищено, подклеено, исправлен переплет и даже сделаны застёжки. Реставратор Мария Егоровна Никифорова, выполнявшая эту работу, предупредила, чтобы берегли рукопись от воды и сырости и не позволяли «слюнявить пальцы» при просмотре, так как микалентная бумага, которой покрыты листы, не переносит никакой сырости. Мы были рады, что памятник принял полагающийся ему достойный вид. Мы будем ждать Ваших распоряжений. Когда будете писать Музею о получении рукописи, то пожалуйста (я знаю, что Вы и сами не забудете, но пишу на всякий случай), не забудьте передать Музею, т. е. Дирекции, благодарность от Вашего Отделения, а также и в особенности реставратору Марии Егоровне Никифоровой и завед. реставрационной мастерской Тамаре Николаевне Ютановой» (Машинопись на 1 стр. формата А4 с рукописной припиской автора от 28 марта 1969 г. Автограф. — Личный архив академика РАН Н. Н. Покровского). Благодарный автор сибирской находки отметил в своей предваряющей издание статье тщательную реставрацию сборника М. Е. Никифоровой, хотя и вынужден был отметить утрату после нее чистых листов рукописи, важных для ее описания (Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / изд. подг. Н. Н. Покровский. М.: ГАУ при СМ СССР, 1971. С. 10–11).

столичные ученые еще до публикации памятника его открывателем просили немедленно сообщить ряд необходимых им содержащихся в Сибирском списке сведений: уходили в печать их работы с обсуждением обстоятельств, на освещение которых Сибирский список серьезно мог повлиять. Один из ведущих на тот момент специалистов по общественно-политической мысли первой половины XVI в., доктор исторических наук Н. А. Казакова в 1968 г. получила от Н. Н. Покровского роспись содержания найденного им «Судного списка» и тут же настойчиво попросила подробно «раскрыть содержание» текста «о селах афонских монастырей»⁸. А в письме от 31 декабря 1969 г. она уже благодарит своего сибирского коллегу за присылку «выверенной копии новых материалов» и вводных статей к изданию. Видимо, пытаясь его успокоить по поводу своего использования найденного им памятника и возможного опережения его издания, Н. А. Казакова жалуется на издательские затруднения: «Моя рукопись в издательстве почти не движется: только в декабре она передана редактору. Так что о выходе книги в назначенный срок — в I квартале 1970 г. нечего и думать. Кстати, вчера у нас в Институте говорили, что план выпуска 1970 г. будет срезан на 30 %. Если это действительно так, то моя книга, конечно, вылетит из плана. Все это грустно»⁹. Однако грусть автора письма оказалась преждевременной, ее монография вышла, на год опередив издание источника Н. Н. Покровским. Н. А. Казакова таким образом невольно воспользовалась плодами чужого открытия раньше его автора. Правда, нужно отметить, что историки, получившие в руки Сибирский список до его публикации, публично поблагодарили Н. Н. Покровского. Н. А. Казакова высказала свою благодарность в своей вышедшей в 1970 г. монографии¹⁰. С. О. Шмидт в предисловии к изданию «Судных списков» указал, что некоторые материалы использованы им и Н. А. Казаковой в работах, вышедших до издания памятника. Косвенную благодарность за предоставление таких сведений С. О. Шмидта можно усмотреть и в том, что он (вместе с ди-

⁸ Письмо Н. А. Казаковой Н. Н. Покровскому от 24.11.1968. Рукопись на одной стр. Автограф. — Личный архив академика РАН Н. Н. Покровского.

⁹ Письмо Н. А. Казаковой Н. Н. Покровскому от 31.12.1969. Рукопись на листе форматом А4, сложенном пополам (с. 1–4). Автограф. — Личный архив академика РАН Н. Н. Покровского.

¹⁰ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. С. 6; Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л.: Наука, 1970. С. 5.

ректором Института истории, филологии и философии СО РАН академиком А. П. Окладниковым) приложил максимум усилий для возможно более быстрой публикации «Судных списков» в издательстве Главного архивного управления СССР, став к тому же ответственным редактором этого издания¹¹. С Н. А. Казаковой отношения складывались куда сложнее. Возможно, Н. Н. Покровский высказал просьбу о рецензии на издание по выходе публикации из печати. Забегая вперед, отметим, что рецензия Н. А. Казаковой была напечатана в центральном журнале «История СССР», но выглядела она несколько странно. В письме от 13 мая 1973 г. Н. Н. Покровскому (в ответ на его письмо, по-видимому, с благодарностью за рецензию) она пытается слегка оправдаться: «Мне действительно хотелось написать на «Судные списки» самую хорошую рецензию, потому что и Вашу находку, и Ваше исследование я считаю замечательными. И мне очень жаль, что редакция «Истории СССР»

¹¹ С. О. Шмидт как председатель Археографической комиссии СССР писал 23 сентября 1969 г. тогдашнему председателю Сибирского отделения академику А. П. Окладникову: «Глубокоуважаемый Алексей Павлович! Главное Архивное Управление при Совете Министров СССР и Археографическая комиссия при Отделении истории АН СССР приступают к изданию серии документальных сборников «Памятники отечественной истории». Руководство ГАУ при СМ СССР поддержало наше предложение, опирающееся и на Ваше письмо А. М. Самсонову (член-корреспондент АН СССР А. М. Самсонов в 1969 г. — директор издательства «Наука». — Н. 3.), с которым я ознакомил руководителей ГАУ, о публикации в этой серии издания «Новые материалы о Максиме Греке и соборах второй четверти XVI века» (объем 6–6, 5 авт. л.). Издание это, само собой разумеется, будет иметь и гриф Сибирского отделения АН СССР или какого-нибудь из учреждений Сибирского отделения — руководимого Вами Института, либо Сибирского отделения Археографической комиссии, в зависимости от Вашего усмотрения. (На таких же началах издаются описания рукописей Государственного Исторического музея). Книгу эту, если материал поступит в издательство в осенние месяцы 1969 г., издательство ГАУ обещает подготовить к лету 1970 г., т. е. ко времени открытия Всемирного конгресса историков в Москве. Издания эти готовятся на паритетных началах и, по подсчетам работников издательского отдела ГАУ Сибирскому Отделению, оно должно обойтись в 500 рублей при тираже не менее 2 000 экземпляров. От возможности перевода ГАУ этой суммы зависит издание. Зная о том, сколько Вы приложили сил к тому, чтобы эта ценнейшая публикация увидела свет, обращаюсь к Вам с просьбой оказать содействие в получении соответствующих кредитов для задуманного издания». (Копия письма С. О. Шмидта А. П. Окладникову от 23 сентября 1969 г. Машинопись на 1 стр., первый экз. — Личный архив академика РАН Н. Н. Покровского). «Судные списки» вышли позже, чем предполагал С. О. Шмидт, и вдвое меньшим тиражом, зато объем издания составил не 6,5, а 23,5 п. л.!

опустила часть заслуженных похвал в Ваш адрес, имевшихся в моем тексте. Но сие зависело не от меня»¹². Отметим, опять же забегая вперед, что опубликованный ею в 1973 г. в журнале «Вопросы истории» обзор «Максим Грек в советской историографии» точно так же не изобилует похвалами или же анализом вклада Николая Николаевича в решение проблем, связанных с «Судным списком»¹³.

Нельзя, конечно, сказать, что как памятник, так и научный анализ Н. Н. Покровского был до 1971 г. известен только Н. А. Казаковой и С. О. Шмидту. 26 февраля 1969 г. на заседании Археографической комиссии Н. Н. Покровский сделал доклад «Новый рукописный сборник с материалами о Максиме Греке и общественно-политической истории XVI в.»; в обсуждении приняли участие такие крупные специалисты по истории русского Средневековья, как С. О. Шмидт, А. И. Клибанов, А. А. Зимин, Н. В. Сеницына, М. В. Щепкина и др. Краткое сообщение об этом появилось в журнале «Вопросы истории»¹⁴. В том же журнале в конце года был опубликован очерк Н. Н. Покровского, посвященный новооткрытому сборнику и истории его находки¹⁵. Однако очерк не был полноценной научной статьей, он был написан без сносок, в популярном жанре.

Обратимся к методологическим подходам, которые использовались советской историографией в области анализа средневековых общественных идей и идеологии. Совершенно не претендуя на полномасштабное исследование проблемы, отметим лишь некоторые основные установки исторической науки во второй половине XX в. при изучении истории Церкви, и прежде всего, учитывая нашу тему, Русской Православной Церкви средневекового времени. Глобальным ограничителем тут выступало то обстоятельство, что в реальной жизни продолжалась борьба с РПЦ (новый виток последовал в 1960-е гг.), инициировались

¹² Письмо Н. А. Казаковой Н. Н. Покровскому от 13.05.1973. Рукопись на одной странице. Автограф. — Личный архив академика РАН Н. Н. Покровского.

¹³ Казакова Н. А. Максим Грек в советской историографии // Вопросы истории. 1973. № 5. С. 149–157.

¹⁴ [По поводу находки рукописного сборника с материалами о Максиме Греке: излож. докл. на заседании Археогр. комис. АН СССР 26 февраля 1969 г.] // Вопросы истории. 1969. № 4. С. 189–190.

¹⁵ Покровский Н. Н. Сибирская находка: (Новое о Максиме Греке) // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 128–138.

судебные процессы против ее представителей, закрывались храмы и монастыри, а в обществе насаждался атеизм в грубых, агрессивных формах. Поэтому в ретроспективе Церковь рассматривалась прежде всего как представитель правящего класса, крупнейший феодал, то есть эксплуататор, ее историю не возбранялось изучать при исследовании земельных отношений, классовой борьбы, процессов феодализации (как видим, кандидатская диссертация Н. Н. Покровского по тематике не выходила за эту схему). Невозможно было обойти и роль Церкви как одного из основных политических игроков в процессе централизации России и складывании монархии. Церковь, в соответствии с известными положениями марксизма-ленинизма, рассматривалась как создатель и гарант эксплуататорской идеологии в союзе со светской властью, и с этих позиций изучалось ее участие в жизни страны и развитии общественной мысли. Невозможно было обойтись без Церкви и в штудиях по истории русской культуры, которая, как общеизвестно, в Средние века развивалась в сфере православия. Подходы историков, за редкими исключениями, здесь долго были значительно официознее, чем, например, искусствоведов или филологов, которые прослеживали развитие литературы на источниках, относящихся к церковным жанрам. Каковы были установки отечественной науки в отношении истории Церкви, можно узнать из вышедшей в 1967 г. коллективной монографии «Церковь в истории России»¹⁶. В аннотации к ней подчеркнуто, что основное содержание книги — освещение разных аспектов пагубной роли Церкви в российском прошлом: от социального и национального угнетения до реакционного преследования просвещения, науки, культуры. Действительно, весь текст критических очерков направлен на решение этой задачи. Остановливаясь на роли Церкви феодального периода, А. М. Сахаров утверждает, что она «отнюдь не занимала позиции безоговорочной поддержки объединения русских земель», а лишь преследовала свои узкокорыстные экономические и политические цели, являясь одним из самых крупных собственников и эксплуататоров страны, в руках которого был к тому же действенный инструмент манипулирования сознанием населения — идеология православия¹⁷. Достаточно сказать, что

¹⁶ Каждан А. П., Токарев С. А., Сахаров А. М., и др. Церковь в истории России (IX в.—1917 г.). Критические очерки. М.: Наука, 1967.

¹⁷ Там же. С. 71.

преп. Сергей Радонежский упомянут лишь один раз — при описании «трусливого» бегства митрополита Киприана из Москвы в Тверь во время нашествия Тохтамыша, где к нему присоединился и Сергей¹⁸. Если обратиться к разделу, касающемуся интересующего нас периода (конец XV — первая половина XVI в.), то здесь описываются сложные отношения Церкви с великим князем, намеревавшимся лишить Церковь ее земельных владений, а также ее борьба с еретиками (их выступление расценивается как антифеодальная классовая борьба низов), с критиками пороков Церкви со стороны представителей правящего класса (консервативного боярства, все же поддерживавшего централизацию) и их идеологов. К последним были отнесены Вассиан Патрикеев и Максим Грек. При изложении взглядов последнего, в целом адекватном, все же были допущены оценки, на исторические факты не опирающиеся и возникшие, очевидно, по причине увлеченности навешиванием ярлыков. Так, вполне абсурдны утверждения автора, что Максим Грек был недоволен «застывшими догмами официальной Церкви», а его убеждение в том, что «Церковь <...> не должна быть простым орудием княжеской власти», якобы и привело Святогорца к возражениям «против автокефалии Русской Церкви»!¹⁹ Указанное издание все же нельзя рассматривать как исследовательский труд; это, как и заявлено, очерки, явно «заказные», хотя и с опорой на выводы современной историографии («клерикальная» литература при этом, например, если и упоминается, то в сугубо отрицательном ключе). Обратимся к научным исследованиям в интересующей нас области.

Многие из перечисленных выше установок можно увидеть в фундаментальной, на многие десятилетия ставшей классической монографии Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье «Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века», на которую, кстати, опирался А. М. Сахаров в рассмотренных выше коллективных «критических очерках»²⁰. Еретические движения рассматривались Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье как социальный протест в религиозной оболочке, направленный против господствующей Церкви, крупного феодального собственника зе-

¹⁸ Каждан А. П., Токарев С. А., Сахаров А. М., и др. Церковь в истории России... С. 66.

¹⁹ Там же. С. 87, 88.

²⁰ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

мель, носителя господствующей идеологии во всех областях умственной жизни. Одним из главных для исследователей был вопрос прогрессивности: направлена ли была ересь на возникновение новых производственных отношений, отражала ли она интересы включившихся в классовую борьбу прогрессивных низовых социальных слоев? В то же время авторы подчеркивают недостаточность рассмотрения в общих трудах по истории СССР средневековых ересей лишь с точки зрения их социального содержания²¹. В конце книги делается методологически ожидаемый, не особенно связанный с историческим материалом вывод, что ереси потерпели поражение, поскольку еще не созрели условия для свержения феодального строя. Но монография и до сих пор не потеряла своего значения, поскольку ереси рассматривались во всей доступной полноте имеющихся фактов и источников; в ней сделано много конкретных интересных наблюдений и обобщений. Немаловажно, что более половины объема книги занимает публикация источников по теме, в подготовке которых приняли участие не только основные авторы монографии, но также А. А. Зимин, А. И. Клибанов, Н. А. Соколов.

Здесь нужно еще раз подчеркнуть хорошо известный факт, что в послесталинское время историческая наука стала развиваться ускоренными темпами и ее характер стал меняться — если не повсеместно, то во все более частых проявлениях. Чрезвычайно интересен раздел, посвященный истории Церкви, в коллективной монографии «Древнерусское государство и его международное значение», появившейся через десять лет после рассмотренной выше²². Раздел принадлежал крупному московскому историку Я. Н. Шапову и назывался «Церковь в системе государственной власти Древней Руси». Эта тема вполне укладывается в приведенный выше перечень допустимых аспектов исследования истории Церкви в советской историографии, изучая свою тему, автор не мог не опираться на теорию формаций, раздел не был написан в жанре «критических очерков» и не диктовался жестко спущенным сверху заказом агрессивного-атеистического толка. При его чтении нет ощущения, что методологические установки помешали сделать Я. Н. Шапову вполне

²¹ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси... С. 3–13.

²² Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., и др. Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 279–354. Позже Я. Н. Шапов более подробно вернулся к проблемам, сформулированным в коллективной монографии (см.: Шапов Я. Н. Княжеские уставы и Церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М.: Наука, 1972).

оригинальные и научно обоснованные выводы. Характерно, что он опирается на всю известную к тому времени литературу по вопросу, включая дореволюционных и зарубежных авторов, не объясняя разницу во мнениях ограниченностью «буржуазной» или «клерикальной» историографии по сравнению с марксистской. Он выдвигает свои гипотезы (не настаивая на них как на истине в последней инстанции) после разбора репрезентативности всех относящихся к проблеме источников, сравнивая российские явления с возможными европейскими аналогами. Так, Я. Н. Щапов оценил древнерусскую десятину как сложившийся еще в период господства языческого культа способ его материальной поддержки путем отделения доли от добычи, который потом унаследовала христианская Церковь как фискальный способ содержания в раннем централизованном государстве. Способ этот достаточно быстро, как считал автор, стал устаревать уже к концу X — началу XI в. и со второй половины последнего был заменен феодальной рентой вследствие появления собственных населенных земель. Интересны его соображения об истории церковной юрисдикции после христианизации Руси: «...отставание в правовом и организационном оформлении государства позволили <...> (Церкви. — Н. З.) нащупать слабые места раннефеодального общества и занять эти места <...> взяв на себя некоторые государственные функции»²³.

Если в 1955 г. в предисловии к своей монографии Н. А. Казакова и Я. С. Лурье могли назвать лишь несколько человек из советских историков, касавшихся темы Церкви, то к концу 1960-х гг. ситуация выглядела совершенно иначе. Это наглядно демонстрирует напечатанный в 1972 г., журнале «История СССР» обширный «Обзор советской литературы 1969–1970 гг. по истории России эпохи феодализма»²⁴. Только за 1969–1970 гг., которым посвящен обзор, в свет вышло около 100 монографий и более тысячи статей, в научный оборот введены многочисленные источники. Во многих публикациях так или иначе затрагивалась история Русской Православной Церкви и ее институтов — в основном по указанным выше направлениям. Так, Я. Н. Щапов продолжал исследовать роль

²³ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., и др. Древнерусское государство... С. 350.

²⁴ Загоровский В. П., Никитин Н. И. Обзор советской литературы 1969–1970 гг. по истории России эпохи феодализма // История СССР. 1972. № 2. С. 126–146.

Церкви в становлении русской государственности; А. А. Зимин дискутировал с С. О. Шмидтом и Р. Г. Скрынниковым по поводу Земских Соборов 1560, 1568 и 1570 гг., считая их церковно-земскими; О. Ф. Козлова в связи с проблемой политической борьбы в первой половине XVIII в. заинтересовали оппозиционные настроения в среде русского духовенства; Л. М. Милов и И. А. Булыгин сосредоточили внимание на монастырских крестьянах того же столетия, и т. д.²⁵ Что касается истории общественной мысли, тесно связанной с историей Церкви, то и здесь прирост был очень внушительным: весьма лапидарный обзор работ, посвященных этой тематике, занял две с половиной журнальные страницы. Среди этих работ названо сразу несколько посвященных Максиму Греку и сопутствующим фигурам. Научные споры вокруг них развернулись между Н. А. Казаковой, Н. В. Сеницыной, А. И. Ивановым и др. Полторы строчки посвящено и статье Н. Н. Покровского, в которой он знакомил читателя с находкой сибирского памятника²⁶.

Итак, в 1969 г. Н. А. Казакова и Н. Н. Покровский одновременно сдали в печать свои труды, одним из центральных героев которых был Максим Грек. В значительной степени оба исследования опирались на находку Сибирского списка. Но Н. А. Казакова не в первый раз обратилась к изучению феномена Максима Грека. Так, ей тоже удалось сделать открытие, относящееся к судам над ним: в 1968 г. вышел из печати «Археографический ежегодник за 1966 год», в котором была опубликована ее статья «О «Судном списке» Максима Грека»²⁷. Н. А. Казакова обнаружила и ввела в научный оборот новый список этого сочинения, относившийся к XVIII в. и получивший название Барсовского. Она подвергла источниковедческому анализу как его, так и известный ранее Погодинский список XVII в., сделав заключение, что первый нельзя возводить ко второму, «он представляет собой независимую от последнего линию истории текста «Судного списка»», хотя оба они и восходят к одному архетипу²⁸. В статье был поставлен и решен вопрос о характере со-

²⁵ Загорский В. П., Никитин Н. И. Обзор советской литературы 1969–1970 гг. ... С. 130, 132, 133, 135, 139.

²⁶ Там же. С. 142, 143.

²⁷ Казакова Н. А. О «Судном списке» Максима Грека // Археографический ежегодник за 1966 год. М.: Наука, 1968. С. 25–36.

²⁸ Там же. С. 27.

чинения как исторического источника. Исследовательница опровергла оба высказанные в дореволюционной литературе мнения: 1) «Судный список» — подлинные судебные протоколы; 2) сочинение — частные исторические записки о судах над Максимом Греком, принадлежавшие, скорее всего, митрополиту Даниилу. Первая точка зрения, которой придерживалось большинство обращавшихся к проблеме историков, не выдержала критики при сравнении с формуляром, присущим судным спискам XVI в. Вторая, высказанная замечательным церковным историком Е. Е. Голубинским, была существенно уточнена Н. А. Казаковой. Она определила «Судный список» не как частные исторические записки, а как литературно-публицистическую обработку дефектного списка протоколов, сделанную не опытным литератором митрополитом Даниилом, а не очень умелым автором не позднее середины XVI в., а скорее всего — вскоре после второго процесса 1531 г.²⁹ Подчеркнула исследовательница и тенденциозность памятника — его ярко выраженную иосифлянскую направленность.

В своей монографии 1970 г. Н. А. Казакова посвятила Максиму Греку самую большую главу³⁰. В предисловии она отметила, что эта историческая фигура является многогранной и для всестороннего освещения требует специальной большой работы, она же будет касаться лишь нестяжательских взглядов и тесно связанных с ними причин осуждения Максима Грека³¹. Ее по-прежнему привлекала тема обличения и разоблачения русской феодальной Церкви. Такой выбор проблематики Н. А. Казакова объяснила тем, что она поставила задачу исследования социальной направленности публицистической деятельности Максима Грека, и здесь исследовательница особенно подчеркивала ограниченность буржуазной историографии, для которой за несколькими исключениями подобная постановка вопроса была «чуждой»³². Как видим, она во многом сохранила методологическую жесткость марксистского подхода к изучению русской средневековой Церкви и общества, которая была ею продемонстрирована еще в 1955 г.

²⁹ Казакова Н. А. О «Судном списке» Максима Грека. С. 35.

³⁰ Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли... С. 155–243.

³¹ Там же. С. 5.

³² Там же. С. 27.

В ходе дальнейшего конкретного исследования Н. А. Казакова рассматривает все сочинения прп. Максима Грека, так или иначе затрагивавшие тему нестяжания, некоторые убедительно передатирует. Иногда, правда, исследовательница прибегает к чисто логическим умозаключениям: в частности, исходя из принятого как аксиома положения (еще до подробного анализа источников), что раз основная причина осуждения писателя — его критика пороков Русской Церкви и нестяжательские взгляды, то взгляды эти в развернутой форме должны были быть высказаны до его первого осуждения в 1525 г. (см. датировку «Беседы ума с душой» вопреки мнению В. Ф. Ржиги³³). Понятно, что такой метод сомнителен, и позже эта датировка была оспорена Н. В. Сеницыной, которая отнесла создание «Беседы ума с душой» ко времени после Собора 1531 г.³⁴ В ходе историографических споров Н. А. Казакова опровергает высказанное историком-эмигрантом, католиком И. Денисовым положение о том, что Максим Грек был чужд России, оставаясь латинизированным греком. Она убеждена, что он превратился в подлинно русского писателя, причем этому он был обязан исключительно своей критике пороков русской церковной действительности «с ее острыми социальными конфликтами — богатством монастырей и бедственным положением крестьян»³⁵.

Отметив, что предшествующая историография не смогла прийти к единому мнению относительно причин осуждения прп. Максима Грека, Н. А. Казакова поставила перед собой задачу решить этот вопрос путем «всестороннего анализа источников», чего до этого сделано не было; здесь ей очень пригодилась присланная Н. Н. Покровским копия сибирского «Судного списка». Убедительно показав, что большинство источников, упоминающих об осуждении Максима Грека, не содержит сведений об обвинениях в его адрес, а те, которые излагают версию осуждения второго брака Василия III как главной причины опалы на Святогорца, недостоверны, историк обращается к «Судному списку». Повторив свои предшествующие наблюдения над Погодинским и Барсовским списками, исследовательница переходит к подробному из-

³³ Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли... С. 168.

³⁴ Сеницына Н. В. Максим Грек в России. М.: Наука, 1977. С. 91, 195. Благодаря Л. И. Журову за указание.

³⁵ Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли... С. 176.

ложению содержания Сибирского списка, особенно в его неизвестной ранее части³⁶. Н. А. Казакова пришла к выводу: он принадлежит к той же литературно-публицистической переработке судебных протоколов, что и ранее известные, а «архетип Погодинского и Барсовского списков восходил либо к Сибирскому списку, либо к его архетипу»³⁷. Возникновение этого произведения она по-прежнему отнесла ко времени, непосредственно следовавшему за Собором 1531 г. Сибирский «Судный список» Н. А. Казакова делит на 7 частей, которые подробно анализирует, пытаясь разделить содержание двух Соборов на Максима Грека: в сочинении их обвинения и постановления спутаны³⁸. Здесь ею впервые дана ссылка на статью Н. Н. Покровского в «Вопросах истории», в которой он эту путаницу отметил (кстати, не первый, об этом было известно еще из дореволюционной историографии). Н. А. Казакова еще только раз обратится к этой работе, поддержав мнение автора о том, что в основу обвинения Максима Грека в жидовской ереси во время пребывания его «в Риме», где его учителя приговорили к сожжению, легли слухи об увлечении будущего Святогорца учением Савонаролы³⁹. В обоих случаях — ссылки на не самые значимые наблюдения Н. Н. Покровского.

Н. А. Казакова справедливо подчеркивала, что процесс над Максимом Греком был политическим, поэтому его материалы могли содержать облыжные обвинения и всевозможные искажения истинного положения вещей. К ним она отнесла обвинения Святогорца в колдовстве, в негативной оценке личности Василия III и его внешней политики (за исключением — по причине греческого патриотизма — стремления к русско-турецкому союзу), в шпионаже в пользу турецкого султана, церковной ереси и др. Доказанными обвинениями, соответствующими убеждениям Максима Грека, Н. А. Казакова сочла его обличения монастырского землевладения, угнетения монастырских крестьян, пороков русского духовенства, противозаконности (несоответствия канону) хиротонии русских митрополитов без участия Константинопольского патриарха. Доказанными ей представляются и сомнения Максима Грека в святости тех русских чудотворцев, которых он знал как повинных в мо-

³⁶ Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли... С. 187–189 и др.

³⁷ Там же. С. 190.

³⁸ Там же. С. 190–192.

³⁹ Там же. С. 233.

настырских стяжаниях и неблаговидных поступках. Главной причиной расправы над Максимом Греком Н. А. Казакова сочла опасение высших русских иерархов, что сочинения Максима Грека подорвут авторитет Церкви и помогут склонить государственную власть к секуляризации церковных имуществ. Доказанных «вин» Святогорца для полноценной его диффамации не хватало, подводила она итог, поэтому организаторам процессов пришлось прибегнуть к лжи и клевете: этим отличался уже суд 1525 г., а в 1531 г. фигуру Максима Грека использовали для усугубления вины Вассиана Патрикеева — павшего фаворита Василия III.

Обратимся к исследованию и изданию Сибирского памятника Н. Н. Покровским. До сих пор ему не приходилось заниматься нарративными памятниками: его кандидатская диссертация, как мы знаем, посвящена актовому источниковедению. Однако вступительная статья к изданию «Судных списков Максима Грека и Исаака Собаки», на наш взгляд, свидетельствует о том, что Н. Н. Покровский был хорошо подготовлен к предстоящей работе. Не вызывает сомнения его знакомство с последними достижениями 1960-х гг. в области текстологических исследований, а также, скорее всего, и с более ранними основополагающими трудами в этой области. В 1962 г. появился учебник по текстологии глубоко уважаемого им Д. С. Лихачева⁴⁰, в секторе которого Н. Н. Покровский регулярно делал научные доклады, а с 1969 г. он начал публиковаться в Трудах Отдела древнерусской литературы. В предисловии к первому изданию учебника его автор утверждает, что «текстология — и в своей теоретической, и в своей практической части — база литературоведения и исторического источниковедения»⁴¹, а уж последнему Н. Н. Покровский был своими профессорами выучен блестяще. Текстологию «Судных списков» он провел по всем правилам этой науки, которые были изложены и в упомянутом учебнике. Напомним о некоторых главных требованиях к современной текстологии, изложенных там, на которые, как нам кажется, опирался в своем исследовании и Н. Н. Покровский.

⁴⁰ Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. М.; Л., 1962. Второе издание «Текстологии» с дарственной надписью Д. С. Лихачева стоит на полке библиотеки Н. Н. Покровского. Мы считаем в дальнейшем возможным воспользоваться им, поскольку Д. С. Лихачев в предисловии ко второму изданию писал, что он не вносил изменений в основное содержание текста.

⁴¹ Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. Л.: Наука, ²1983. С. 6.

О задачах текстологии Д. С. Лихачев писал следующее: «Текстология ставит себе целью изучить историю текста памятника на всех этапах его существования в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т. е. на протяжении всего того времени, пока изменялся текст памятника <...> нельзя изучать изменения текста памятника от его содержания (понимаемого в самом широком смысле, в частности, политических тенденций... и т. д.), а содержание — в отрыве от всей исторической обстановки в целом». Отмечая успехи советской текстологии как науки, Д. С. Лихачев подчеркивал, что постепенно (т. е. пока не все и не везде!) ученые приходят к принципу первоначальности полного изучения текста перед тем как перейти к его критическому изданию⁴². Большим достижением Д. С. Лихачев считал то, что «история текста памятника стала рассматриваться в самой тесной связи с мировоззрением, идеологией авторов, составителей тех или иных редакций памятников и их переписчиков»⁴³. В учебнике дается понятие о редакциях литературных памятников и о разных их типах (идеологических, стилистических и др.). Текстологу, писал Д. С. Лихачев, «...необходимо мобилизовать все сведения о местности, в которой могло возникнуть произведение, об авторе, об идейном содержании произведения, о его языке, стиле и т. д.»⁴⁴ Проблема датировки была поставлена в широкий теоретический контекст: «Вопрос о дате произведения есть вопрос о месте произведения в историческом процессе, в самом широком и разнообразном круге связанных с ним проблем»; привлекается особенное внимание к значимости языковых особенностей сочинений для их датировки. По всей видимости, особенно полезными Н. Н. Покровскому могли быть следующие главы учебника: III («Основные понятия истории текста»), VI («Комплексное изучение истории текста» с разделом «Изучение текста в составе сборников», в котором говорилось о необходимости изучения «конвоя» сборников), VII («Исследование авторского текста») и XII с разделом «Генеалогические схемы (стеммы)».

Свою обширную статью, предваряющую публикацию «Судных списков», Н. Н. Покровский в полном соответствии с рекомендациями названного учебника начал с раздела «Обзор списков» и связанного с ним раздела

⁴² Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. С. 27.

⁴³ Там же. С. 28.

⁴⁴ Там же. С. 296.

«Текстология, датировка». Он предпринял детальное исследование как издаваемого сочинения, так и сибирского сборника, в составе 39 главы которого оно находилось. Н. Н. Покровский предложил свое решение вопроса о редакциях «Судного списка» Максима Грека и их соотношении, предложив в качестве гипотез две стеммы. Он занимался также проблемами конвоя сочинения, т. е. характеристики сборника в целом (даже фиксировал, как упоминалось выше, утрату при реставрации в конце сборника чистых листов той же бумаги XVI в., на которой сборник был написан, а также бумаги XVIII в. Как оказалось, это имело свой смысл при реконструкции истории создания сборника). Решен был вопрос о месте возникновения сборника и его авторстве, о датировке как сборника, так и «Судных списков», причем последняя была тесно увязана с причинами создания сочинения.

К каким же выводам пришел Н. Н. Покровский? Прежде всего он определил, что сборник, написанный несколькими почерками, представляет собой не конволют, а созданный в одно время несколькими писцами сборник, имеющий единообразную систему украшений и общую, однотипную редакторскую правку, хотя и выполненную разными почерками XVI в. — за исключением двух вставок почерком XVIII в. Задача писцам тетрадей для одновременной переписки произведений, составивших сборник, и привела к появлению внутри него чистых листов перед каждой сменой почерка. Н. Н. Покровский приводит оглавление сибирского сборника, необходимое ему для анализа причин создания сборника. Он отмечает, что судам над Максимом Греком посвящена, как уже говорилось выше, первая часть 39 главы сборника, написанной на той же бумаге, что и весь сборник, и нумерация тетрадей которой входит в общую. Глава эта, подчеркивает археограф, отличается от остальных: во-первых, она не имеет заголовка, хотя он есть в оглавлении сборника («Собор на Максима Грека Святогорска»), а во-вторых, она единственная во всем сборнике написана скорописью, а не полууставом, как остальные. Н. Н. Покровский ссылается здесь на устное мнение ленинградского археографа Н. Н. Розова, указавшего на их разное функциональное предназначение: скоропись, в отличие от полуустава, использовалась в деловом письме⁴⁵. Таким образом, 39-й главе намеренно придана эта форма. Смысл сделанного наблюдения Н. Н. Покровский раскрывает позже при анализе целей создания «Судных списков...»

⁴⁵ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. С. 15–16.

Исследование сборника позволило Н. Н. Покровскому выдвинуть предположение о его происхождении: это одна из нескольких рукописей, созданных в конце XVI — начале XVII веков по заказу Вологодского архиепископа Ионы (Думина) для Владимирского Рождественского монастыря, архимандритом которого он был до 1588 г. Владимирские реалии, обнаруженные Н. Н. Покровским в текстах сборника, известное ученым увлечение архиепископа Ионы (Думина) сочинениями Максима Грека, шесть из которых, не считая двух переводов и списка «Судов», вошли в состав сборника, делают эту гипотезу весьма убедительной. Исследователь обратил внимание и на графические особенности сборника: с думинскими рукописями, пожертвованными во Владимир, его роднит общая система киноварных знаков, использованных при правке, совпадает и рисунок киноварных инициалов⁴⁶.

Закончив анализ сборника, Н. Н. Покровский переходит непосредственно к издаваемому сочинению. Требования текстологии предполагают предварительное сравнение всех известных списков и выделение редакций. При характеристике Погодинского списка Н. Н. Покровский вступает в спор с Н. А. Казаковой, датировавшей его началом XVII в., и обращает внимание на решающее значение филиграней, которые были или не опознаны, или не замечены исследователями. Они позволили Н. Н. Покровскому передатировать список и отнести его создание к середине XVII в. Другие наблюдения Казаковой он поддерживает. Это относится к результатам ее анализа Погодинского и Барсовского списков, которые были опубликованы в «Археографическом ежегоднике» за 1966 год: имея общий протограф, списки представляют собой независимые линии истории текста (по правилам текстологии Д. С. Лихачева, речь в таком случае могла идти только о разных редакциях). Н. Н. Покровский таким образом и завершает логически выводы предшественницы. Напоминаем, что уже в своей монографии 1970 г. Н. А. Казакова изменила свое мнение. Она по-прежнему не употребляла термина «редакция» и не говорила напрямую о принадлежности списков к одной или разным редакциям, но сама формулировка позволяет предположить, что теперь Н. А. Казакова явно предпочла первое: Погодинский и Барсовский списки отличаются лишь небольшими разночтениями⁴⁷. Позже,

⁴⁶ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. С. 17, 18.

⁴⁷ Казакова Н. А. Очерки истории русской общественной мысли... С. 190.

в рецензии на публикацию «Судных списков» Н. А. Казакова, возражая Н. Н. Покровскому, отнесла как Погодинский и Барсовский, так и Сибирский списки к одной редакции, настаивая на незначительности их отличий, кроме полноты текста⁴⁸.

Н. Н. Покровский предпринял гораздо более развернутое по сравнению со своей предшественницей текстологическое сравнение всех трех списков памятника⁴⁹. В частности, он проанализировал характер механических утрат, язык и литературную форму сочинения в обсуждаемых трех списках. Он установил, что Сибирский список по языку наиболее архаичен, Погодинский же носит черты осовременивания, в ходе которого введена вопросо-ответная форма, которой не было в Сибирском списке. Он предложил приблизительную стемму зависимости списков, но тут же высказал сомнение в простоте предложенного соотношения редакций, а именно: Сибирский список — протограф остальных двух — Погодинской и Барсовской редакции. Н. Н. Покровский подчеркивает, что в ряде случаев самый поздний, Барсовский список дает больше случаев сходства с Сибирским, нежели Погодинский. Поэтому он предлагает более сложную стемму, по которой у Сибирской редакции памятника тоже имеется протограф, повлиявший на протограф Погодинской и Барсовской редакций. Будучи исследователем предельно осторожным, он заключает, что имеющийся материал слишком мал для категорических утверждений, поэтому вторую стемму он также предлагает в качестве гипотезы, до появления новых источников.

Вопрос о времени возникновения издаваемого сочинения Н. Н. Покровский также рассматривает значительно основательнее Н. А. Казаковой. Он опровергает ее умозаключение о том, что протограф памятника был создан сразу после Собора 1531 г.: 1) грубые ошибки памятника, в котором смешаны события 1525 и 1531 г., не могли быть допущены непосредственно после решений второго Собора; 2) при противнике Даниила митрополите Иоасафе (1539–1542) создание сочинения с ярко выраженной иосифлянкой тенденцией тоже маловероятно; 3) наиболее вероятное время — начало правления митрополита Макария, причем ближе к 1548 г., когда он объявил о «находке» «Судного списка»

⁴⁸ Казакова Н. А. Рец. на издание: «Судные списки Максима Грека и Исака Собаки». М.: Изд-во ГАУ СССР, 1971. 180 с. // История СССР. 1973. № 2. С. 176–179.

⁴⁹ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. С. 20–34.

Максима Грека. Н. Н. Покровский устанавливает несомненный факт наличия в 1548 г. в руках у Макария того самого текста, который отражен в трех редакциях «Судного списка»; таким образом обозначена верхняя временная граница. Оценивая внутривосточные и внутрицерковные события, сопровождавшие осуждение Исаака Собаки в 1531 г., его дальнейший неожиданный карьерный взлет — получение в 1544 г. чудовской архимандрии из рук самого Макария несмотря на неснятое соборное осуждение, Н. Н. Покровский счел не заслуживающим доверия утверждение митрополита о том, что он якобы не знал о постановлении Собора 1531 г. Исследователь предположил, что в конце 1540-х гг. по неизвестной нам причине отношения Макария и Исаака резко испортились, возникла острая необходимость наказать неблагодарного чудовского архимандрита, чему и должно было послужить, как считал Н. Н. Покровский, новое сочинение — «Судные списки». Таким образом, временные границы его создания он определил как период между 1544 и 1548 гг.⁵⁰

Переходя к выяснению причин возникновения «Судных списков», исследователь называет гипотезу о необходимости скорейшего осуждения Исаака Собаки лишь первым и простым объяснением. Наряду с ним могли быть и другие, независимые от дела Исаака Собаки, причины, которые он видит в возрождении «острого интереса к обстоятельствам суда над Максимом Греком как в самой стране, так и за ее пределами»⁵¹. К концу 1540-х гг., напоминает Н. Н. Покровский, авторитет Максима Грека как в глазах Русской Церкви, так и светских властей серьезно вырос, а между тем Святогорец не мирился со своей участью и поднимал как вопрос о возвращении ему права Причастия (что косвенно дезавуировало митрополита Даниила и оба осудившие Максима Грека Собора), так и о возвращении на Афон. Последнюю просьбу весьма решительно поддерживали и зарубежные православные патриархи, настаивавшие на невиновности опального писателя. На фоне этого, полагает Н. Н. Покровский, материалы новонаписанного сочинения могли рассматриваться как подтверждавшие справедливость судов над Максимом Греком. Исследователь подчеркивает в связи с этим, что формальной реабилитации Максим так и не получил.

⁵⁰ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. С. 39.

⁵¹ Там же. С. 41.

Завершается вступительная статья Н. Н. Покровского к изданию самым большим разделом — «Новые данные о соборных судах 1525, 1531 и 1549 гг. над Максимом Греком и Исаком Собакой». В нем он подводит итоги тому, что дает сибирская находка для решения проблем судов над Максимом Греком, споры вокруг которых продолжались к тому времени уже 120 лет. Прежде всего, он указывает, что науке ранее известны были только «судный список» 1525 г. и более половины списка 1531 г., опубликованные по Погодинскому списку еще в 1847 г. Новыми оказались чуть менее половины «Судного списка» 1531 г.; письма 1525 г. митрополита Даниила и великого князя Василия III в Иосифо-Волоколамский монастырь о суде над Максимом Греком; сообщение о находке «Судного списка» Максима Грека в 1548 г. в царской казне, повлекшей за собой дело против Исака Собаки; переписка 1548 г. о Максиме Греке и Исаке Собаке двух митрополитов: Макария и Иоасафа; сообщение о докладе Василию об Исаке Собаке и созыве Собора для его осуждения; судный список Собора 1549 г. по делу Исака Собаки⁵². В Сибирском списке, по мнению его открывателя, сведения о двух Соборах, осудивших Максима Грека, оказались еще более спутанными, чем в позднейших списках. Он солидарен с Н. А. Казаковой, доказавшей, что в сочинении представлены не подлинные материалы судебных процессов, а их обработка. Он доказывает, что автор сочинения, в Сибирском сборнике озаглавленного «Собор на Максима Грека Святогорска», вообще не имел на руках протоколов суда 1525 г., а все свидетельства о нем заимствованы им из «судного списка» 1531 г. Пытаясь, как и его предшественники, выделить из текста сочинения те обвинения в адрес афонца, которые были ему предъявлены на первом Соборе, Н. Н. Покровский в качестве бесспорного смог назвать лишь одно — в ереси (о «сидении Христа одесную Отца»). Обращаясь в поисках дополнительных сведений к переписке, сопровождавшей в Сибирском сборнике «Собор на Максима Грека Святогорска», он квалифицирует письмо митрополита Даниила в Иосифо-Волоколамский монастырь как официальный акт Собора 1525 г. В письме Даниила исследователь обнаружил еще одно обвинение, которое было предъявлено тогда Максиму, — в том, что он считал поставление митрополитов в Москве, а не в Константинополе, противозаконным, неканоничным. Считая, что в заключительном соборном акте вряд

⁵² Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. С. 45.

ли были бы опущены важные обвинения, Н. Н. Покровский обращает внимание на то, что в письме Даниила ничего не говорится о нестяжательских убеждениях Максима Грека, об обличении им монастырского землевладения и русских чудотворцев-стяжателей. Ученый считает, что эти убеждения, несомненно, были одной из подспудных причин осуждения Святогорца (как и его отрицательное отношение к проблеме развода и второго брака Василия III), но официально Собор Максима ни в чем подобном не обвинил. Невозможность подобных обвинений на Соборе 1525 г. Н. Н. Покровский усматривал в том, что в это время яркий нестяжатель князь-инок Вассиан Патрикеев, единомышленник Максима Грека, еще пользовался большим влиянием как признанный фаворит великого князя; обвинить в нестяжательстве одного без другого было невозможно. Один из аргументов в пользу того, что подобное обвинение было предъявлено лишь в 1531 г., Н. Н. Покровский усматривает в тонком филологическом наблюдении С. Н. Чернова, сделанном еще в 1922 г.: «...употребление Даниилом настоящего времени в формулах обвинения» — важный признак «того, что данное обвинение в 1525 г. либо вообще не ставилось, либо ставилось лишь в небольшой своей части и вкратце», а обвинения в нестяжательстве как раз даны в памятнике в форме настоящего времени. Как видим, в решении главнейшей для Н. А. Казаковой проблемы об осуждении Соборами нестяжательства Максима Грека Н. Н. Покровский с ней расходится. Что касается политических обвинений Максима Грека, в том числе и в измене, то, как считает Н. Н. Покровский, о них не говорится в письме митрополита Даниила тоже не зря: они предъявлялись на светском следствии (но не суде, до которого дело не дошло), церковный же Собор их не рассматривал. Таким образом, исследователь считал, что делом Максима Грека в 1525 г. занимались две инстанции — светская и церковная.

Перейдя к оценке текста сибирского «Судного списка» в части материалов Собора 1531 г., Н. Н. Покровский сразу отмечает, что найденное окончание ранее утраченной части памятника позволило вынести окончательное суждение по поводу достоверности догматических и политических обвинений в адрес Максима Грека, который категорически отвергал справедливость подавляющего большинства, кроме вопроса о каноничности поставления в России митрополитов без участия Константинопольского патриарха: этого обвинения он не отрицал и в своем

убеждении не покаялся. Не скрывал Максим Грек, как свидетельствует полный список памятника, на суде и своих нестяжательских взглядов, но от обвинений в хуле на русских святых пытался отбиться, признавая лишь критику в адрес одного из них — Пафнутия Боровского⁵³. Отказ афонца признать остальные «вины», в особенности в отношении изменнических действий в пользу Турции, сочли справедливым такие исследователи его биографии и творчества, как Е. Е. Голубинский (Н. Н. Покровский вообще поддерживает большинство его выводов по поводу судов над афонцем, считая одним из лучших наших историков Церкви), С. Н. Чернов, В. Ф. Ржига, И. У. Будовниц, Н. А. Казакова. Отмечает он и то, что последняя, кроме того, оценила обвинения Максима в критике великого князя Василия и его внешней политики так же, как клевету воинствующего церковника Даниила. Полный текст сибирского списка памятника, резюмирует Н. Н. Покровский, полностью подтвердил приведенное выше мнение группы ученых по поводу мнимой протурецкой деятельности афонца: никаких документальных доказательств в руках митрополита Даниила, оказывается, не было. Реальную же основу для критики Максимом Греком Василия III и его внешней политики, связанной с настойчивыми попытками создать русско-турецкий союз, Н. Н. Покровский увидел в его негативном отношении к названным попыткам и возможных высказываниях писателя, всего лишь неосторожных, которые были тенденциозно искажены организованным лжесвидетельством. К сознательной клевете отнесли как названные выше исследователи, так и Н. Н. Покровский и обвинения Максима Грека в колдовстве: об их неподтвержденности также свидетельствует новонайденный полный текст памятника. В заключение анализа «Судного списка» Н. Н. Покровский вновь поднял вопрос о наказании, назначенном Максиму Греку после Собора 1531 г. Учитывая, какие серьезные догматические и особенно политические обвинения ему были предъявлены, оно оказалось на удивление мягким, что подчеркивали почти все исследователи. К тому же новонайденное письмо митрополита Даниила 1525 г. свидетельствовало: Причастия афонец был лишен не в 1531 г., как думали многие ученые, а еще в 1525 г. После второго суда Максим Грек был переведен в Тверь, под власть сочувствовавшего ему владыки Акакия; там он смог писать гораздо свободнее, чем во время заключе-

⁵³ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. С. 59–62.

ния в цитадели его врагов — Иосифо-Волоколамском монастыре, где ему это строго воспрещалось по условиям ссылки.

Завершив анализ сообщений 39 главы сборника о судах над Максимом Греком, Н. Н. Покровский переходит ко второй ее части. В ней речь идет о Соборе 1549 г. против Исаака Собаки: сюда относятся «соборный список» 1549 г., которому предшествуют сообщение об «обретении» 2 ноября 1548 г. в царской казне «Судного списка» Максима Грека, переписка по этому поводу митрополитов Макария и Иоасафа и сообщение о докладе царю и созыве Собора для решения по делу Исаака Собаки. Последний был одним из самых незначительных, по мнению Н. Н. Покровского, обвиняемых на Соборе 1531 г.: он занимался перепиской книг, в том числе и для Вассиана Патрикеева и Максима Грека. Сосланный в Новгородский Юрьев монастырь (Макарий тогда был Новгородским владыкой, почему Н. Н. Покровский и не считал возможным его неведение об этой ссылке), Исаак был возвращен оттуда благоволившим к Максиму Греку митрополитом Иоасафом, сменившим в 1539 г. Даниила. Новый митрополит при этом запросил бывшего, в чем состояла «ересь» Исаака Собаки, но не получил ответа и тогда без снятия соборного отлучения сначала облек его в священнический сан, а затем сделал архимандритом Симонова монастыря. Эта линия была поддержана и Макарием в первые годы его митрополичьего правления: от него Исаак получил архимандрию в кремлевском Чудовом монастыре. Однако в конце 1540-х гг. между ними произошел не отраженный ни в каких источниках конфликт, что и привело, как считал Н. Н. Покровский, к появлению публицистической обработки «Судного списка» Максима Грека, а впоследствии — и аналогичного по характеру источника 1549 г., — «Судного списка» Исаака Собаки. Исследователь подчеркивает, что последний по своей тенденциозной публицистичности стоит еще дальше от подлинных судебных протоколов, чем «Судный список» Максима Грека. Новый «Судный список» и переписка митрополитов, по мнению Н. Н. Покровского, дают новое представление о взаимоотношениях Макария и Иоасафа. Причиной Собора на Исаака Собаку митрополит Макарий называет незаконное поставление Исаака Иоасафом, о ссылке которого Макарий якобы не знал; таким образом, виноватым оказывается не только чудовский архимандрит, «утаивший» бывшее на нем соборное отлучение, но и Иоасаф, пренебрегший последним. Открыватель памят-

ника обращает особое внимание на характерное отношение Макария к Максиму Греку: «Судный список» Исака Собаки 1549 г. ни разу не упомянул опального афонца, его положение ничем не усугубилось.

Подводя итоги, Н. Н. Покровский высказал убеждение, что не только «Судный список» Максима Грека», но вся 39-я глава сибирского сборника представляет собой единое публицистическое произведение: два соборные списка, 1525–1531 и 1549 г., между которыми введены связующие тексты — упомянутые выше доклад царю, переписка, сообщение об «обретении» «Судного списка» Максима Грека в 1548 г. К такому заключению исследователя привел анализ комплекса идей, объединявших все материалы 39-й главы, и определение общей цели этого комплекса. Отметим, что Н. А. Казакова, имевшая в своем распоряжении все издаваемые Н. Н. Покровским материалы, по-прежнему интересовалась лишь информацией, которую мог дать каждый из них по отдельности. Конечный вывод Н. Н. Покровского о 39-й главе: «...перед нами особого вида источник, чрезвычайно широко использующий подлинные документы о Соборах 1525, 1531 г. и 1549 г. (протоколы, переписку), подвергающий их литературно-публицистической обработке и подчас играющий их роль»⁵⁴.

Через два года после публикации «Судных списков Максима Грека и Исака Собаки» в печати появились на нее отзывы. Как уже упоминалось выше, это прежде всего довольно большая рецензия Н. А. Казаковой. Но в ней не столько анализируется вклад Н. Н. Покровского в изучение памятника, сколько даются собственные оценки содержания найденного на Алтае «Судного списка»⁵⁵! Рецензент ни словом не упоминает о новой концепции состава обсуждаемого публицистического произведения: для нее таковым по-прежнему являются только «Судный список Максима Грека», и она утверждает, что Н. Н. Покровский приходит к выводу о его возникновении как тенденциозной публицистической обработки не сохранившихся протоколов судебного дела афонца. Таким образом, признав лишь часть основного вывода Н. Н. Покровского, она делает его простым последователем собственных воззрений.

⁵⁴ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. С. 89.

⁵⁵ Казакова Н. А. Рец. на: «Судные списки Максима Грека и Исака Собаки». М.: Наука, 1971, 180 с. // История СССР. 1973. № 2. С. 18. (В экземпляре журнала из библиотеки Института истории СО РАН рукой Н. Н. Покровского исправлено название издательства: ошибочно напечатанное «Наука» изменено на правильное «ГАУ»).

Поддерживает Н. А. Казакова еще несколько его выводов: о возможных критических высказываниях Максима Грека по поводу внешней политики Василия III, фактах итальянской части биографии афонца, которые послужили основанием для его клеветнического обвинения в «жидовстве» и др., что по сути также является повторением выводов, сделанных ею до выхода в свет публикации Н. Н. Покровского. Несогласие же Н. А. Казакова выразила по поводу его текстологического изучения памятника, как уже упоминалось выше — о редакции «Судного списка». Естественно, не согласилась она и со мнением Н. Н. Покровского, поддержавшего мысль нескольких своих предшественников о том, что обвинения в нестяжательстве были предъявлены Максиму Греку только в 1531 г., когда пал фаворит великого князя убежденный нестяжатель Вассиан Патрикеев. И та, и другая точки зрения не имеют прямых документальных подтверждений и являются более или менее обоснованными гипотезами, но Н. А. Казакова в данном вопросе, как нам кажется, просто «не могла поступиться принципами»: она явно «пережимала» в признании социально-обличительного творчества Максима Грека доминантой его публицистики.

Еще резче Н. А. Казакова обозначила свою позицию в вышедшей в конце того же 1973 г. статье «Максим Грек в советской историографии»⁵⁶. Давая краткую характеристику итогов изучения творчества последнего в дореволюционной историографии, она одобрила ее, как она сочла, основной итог (который, заметим, стал и ее основным лозунгом): афонец — «носитель критического начала», обличитель общественных бед. Однако в то время, писала историк, решение проблемы могло быть только «абстрактным», поскольку «представителям буржуазной историографии был чужд классовый принцип при анализе явлений идеологического порядка». Заслугу марксистского подхода она видела в том, чтобы оценивать идеологическую борьбу в XVI в. «как отражение (хотя часто и в богословско-религиозной форме) социальной борьбы того времени»⁵⁷. Как видим, в области методологических схем Н. А. Казакова оставалась на тех же позициях, что и в 1955 г. Недаром она сочла необходимым, перебрав ярлыки, которые изобрела предшествующая исто-

⁵⁶ Казакова Н. А. Максим Грек в советской историографии // Вопросы истории. 1973. № 5. С. 149–157.

⁵⁷ Там же. С. 150.

риография относительно того, интересы какого социального слоя или класса выражал Максим Грек, предложить свой. Она солидарна с мнением В. Ф. Ржиги, что Максим действительно стоял на позициях боярства, но не консервативного (т. е. выражающего интересы феодальной реакции), а поддерживавшего централизаторскую политику великого князя⁵⁸. Сделав сжатый обзор работ последних десятилетий, многие из которых привели к выявлению ранее неизвестных сочинений Максима Грека (И. У. Будовница, И. И. Смирнова, И. Б. Грекова, А. И. Клибанова, А. И. Иванова, Н. В. Сеницыной, Б. Л. Фонкича и др.), Н. А. Казакова наиболее подробно останавливается на излюбленном ею вопросе о социальной критике в трудах Святогорца, особенно — на его нестяжательских взглядах. Н. А. Казакова не согласна с А. И. Ивановым, что нестяжательские взгляды Максима сложились еще в Италии. Она предполагает, что к итальянскому и афонскому периоду его жизни можно отнести генезис «аскетических воззрений», но нестяжательские сложились в России под влиянием Вассиана Патрикеева. Именно последнее обстоятельство, как уже отмечалось выше, она обозначила в своей монографии в качестве решающего для признания Максима Грека русским писателем. В предпринятом историографическом обзоре имя Н. Н. Покровского появляется только в связи с находкой сибирского «Судного списка»; высоко оценивая этот памятник, Н. А. Казакова нигде не упоминает о выдвинутых им решениях научных проблем и гипотез. Далее ее усилия сосредоточены на критике высказываний А. А. Зимина о Максиме Греке, сделанных им в монографии «Россия на пороге нового времени», в которой он опирался и на сибирскую находку Н. Н. Покровского, солидаризируясь с ним по ряду вопросов (например, считая, что в 1525 г. Максиму Греку обвинения в нестяжательстве не предъявлялись). Таким образом, полемика с Н. Н. Покровским была все же продолжена, хотя и в скрытом виде.

В том же 1973 г. вышла еще одна рецензия на издание «Судных списков Максима Грека и Исаака Собаки» — Н. В. Сеницыной⁵⁹. Этот отзыв целиком посвящен научному вкладу Н. Н. Покровского в решение

⁵⁸ Казакова Н. А. Максим Грек в советской историографии. С. 151; Казакова Н. А. Очерки истории русской общественной мысли... С. 279–280.

⁵⁹ Сеницына Н. В. Рец. на изд.: Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки / изд. подг. Н. Н. Покровский // Вопросы истории. 1973. № 2. С. 153–156.

многих загадок, связанных с фигурой Максима Грека и судами над ним. Н. В. Сеницына озвучила основные итоги анализа Н. Н. Покровским новонайденного памятника и солидаризировалась с его основными выводами, отметив успешное изучение ученым внутренней логики памятника и проявленный при этом исследовательский профессионализм. Прежде всего ее внимание привлек филигранный кодикологический анализ рукописи; об этом она тем более правомерно могла судить, что такой анализ лежал в основе ее собственных работ. У нее не вызвали возражений предложенная Н. Н. Покровским датировка памятника (между 1544 и 1548 гг.) и его гипотеза о причинах появления этого «полуофициального» сочинения, которое к тому же митрополит Макарий пытался выдать за подлинные судебные протоколы. Аргументы о том, что нестяжательские взгляды Максима Грека не были причиной его осуждения в 1525 г., Н. В. Сеницына сочла также убедительными. Приняла она и основной вывод Н. Н. Покровского о том, что большой и сложный памятник был создан с целью расправы вовсе не с Максимом Греком, а всего лишь с таким ничтожным противником, как Исак Собака. Она обратила внимание на то, что дело происходило в канун Стоглава, на котором предполагалось новое рассмотрение вопроса о церковном землевладении, поэтому понятен созыв Собора против чудовского архимандрита, давно связанного с нестяжателями (чему Н. В. Сеницына приводит дополнительные подтверждения). Именно в это время, подчеркивает рецензентка, иосифляне чрезвычайно усилили литературную деятельность в защиту собственной позиции. Отметим одну характерную для нового этапа историографии особенность рецензии Н. В. Сеницыной, которая обнаруживалась тогда далеко не во всех ученых трудах: в тексте отсутствуют ссылки на победительность марксистской историографии, вообще нет никаких следов методологических, классовых или иных ярлыков. Перед нами спокойный профессиональный анализ, не отягощенный идеологической тенденциозностью.

Публикация Н. Н. Покровского привлекла внимание и в дальнейшем постоянно использовалась ведущими специалистами; естественно, продолжалось и обсуждение выдвинутых публикатором гипотез, в ходе которого рождались новые. В начале 1980-х гг. Н. Н. Покровский, отметив это обстоятельство, вновь обратился к теме «Судных списков» «для ряда дополнительных замечаний в связи с возникшей полемикой»;

к новому обращению к теме, как нам кажется, его подтолкнул призыв А. И. Иванова «прекратить наконец изучение Судных списков»⁶⁰.

Вся первая часть большой статьи Н. Н. Покровского посвящена, вопреки этому «призыву», новому исследованию. Он задался целью определить тот особый смысл, который «Судные списки» получали, будучи помещены в окружение сочинений Сибирского сборника. К «конвою» «Судных списков» Н. Н. Покровский обращался не в первый раз. Во вводной статье к публикации, как упоминалось выше, он изучал его, рассматривая проблему происхождения сборника, и доказательно определил Вологодского архиепископа Иону (Думина) как его заказчика. Теперь исследователь задался вопросом, почему такой известный почитатель творчества Максима Грека поместил в свой сборник памятник, наполненный клеветой против Святогорца. При этом Н. Н. Покровский полностью отдавал себе отчет, что поиски сверхзадачи сборника могут осложниться исследовательским произволом: произведения литературных сборников связываются в самые разнообразные логические ряды. Но, призывая к крайней осторожности, от решения определить основной логический ряд он отказаться не захотел.

Для этого Н. Н. Покровский обратился к творчеству Максима Грека. Искажение его взглядов на суда вплоть до прямой клеветы вызвало, по мнению исследователя, дальнейшее постоянное обращение Максима Грека к ним в своих сочинениях в попытке дать развернутое опровержение выдвинутых против него на судах обвинений. Ученый попытался выделить в его трудах темы, которые определили судьбу Святогорца в России, сформировали его отношения с церковной и светской властями. Это, по мнению ученого, «нестяжательские идеи Максима Грека, его взгляд на обязанность философа давать этические и политические наставления правителю (отсюда — более общие проблемы отношений между государем и мудрецом, светским и духовным началом), задача сохранения чистоты веры в полемике с иными вероучениями»⁶¹. С темой нестяжательства, как считал Н. Н. Покровский, прямо связана первая глава Сибирского сборника с выписками из Григория Синаита, в которых обосновывается нестяжательство как одна из главных добродете-

⁶⁰ Покровский Н. Н. Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1981. Т. 36. С. 80.

⁶¹ Там же. С. 81.

лей (исследователи отметили непосредственный интерес Максима Грека к Житию святого, на одной из рукописей которого обнаружили его пометы). И здесь Н. Н. Покровский впервые четко формулирует свое убеждение, что нестяжательство — это этический императив, который можно встретить в трудах многих отцов Церкви, который был присущ Нилу Сорскому и его последователям, а также Максиму Греку. Последнее утверждение делается с опорой на монографию 1977 г. Н. В. Синицыной «Максим Грек в России»; такая позиция явно противоречит теориям Н. А. Казаковой о нестяжательстве афонца как проявлении социальной борьбы на русской почве (генезис его аскетизма — в том числе, вероятно, и нестяжательского — она, как уже упоминалось, соглашалась отнести к итальянскому и греческому периоду жизни).

Вторая глава сборника (Житие Александра Невского), по мнению Н. Н. Покровского, отражает обе оставшиеся главные темы — как отношения святого и государя (в идеальном варианте совпадения их в одном лице), так и конфессиональную полемику. Тексты же третьей и четвертой глав, тоже посвященные первой теме, к тому же представляют собой переводы Максима Грека, первые, но не единственные в Сибирском сборнике, в который вошли и оригинальные его сочинения. Анализируя остальные главы сборника, Н. Н. Покровский убедительно показывает доминирование в них как темы нестяжания (и обличения сребролюбия, мздоимства и т. п.), так и темы несправедливого гонения со стороны властей на знаменитых подвижников и мучеников (с. 84–86). Возможное возражение оппонентов, что приведенные примеры — общее место христианской литературы, исследователь купирует указанием на то, что именно определенные подборки таких «общих мест» в средневековой (а позже — старообрядческой) литературе использовались для создания текстов нужной идейной направленности. Итоговый вывод Н. Н. Покровского: «...тенденциозность Судного списка, тенденциозность суда над Максимом составитель Сибирского сборника использует для осуждения самих судей», резкого, хотя и скрытого: «Вряд ли иное было возможно для видного церковного иерарха <...> каковым являлся архиепископ Иона Думин»⁶².

Вторую часть статьи Н. Н. Покровский посвящает острой полемике с А. И. Ивановым, призвавшим прекратить исследование опублико-

⁶² Покровский Н. Н. Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека. С. 89.

ванного в 1971 г. памятника. Н. Н. Покровский, критикуя воззрения оппонента, подчеркивает прежде всего некорректность его поведения: тот объявил о своей опоре на научные выводы Н. А. Казаковой и Н. Н. Покровского, подлинная же его позиция принципиально расходилась с заявленной. Полное неприятие Н. Н. Покровского вызвало отрицание Ивановым научного значения «Судного списка» Максима Грека по причине его тенденциозности. А. И. Иванов объявил ложными все обвинения в адрес Максима Грека за исключением нестяжательства. Кроме того, виновником опалы афонца Иванов назначил только митрополита Даниила, пылавшего по отношению к Святогорцу «лютой ненавистью». Н. Н. Покровский в ходе разбора аргументации своего оппонента пришел к выводу, что она не может быть отнесена к научной, поскольку автором «выписывается иконописный образ преподобного старца»⁶³. Чтобы резче обозначить особенности методов А. И. Иванова, Н. Н. Покровский, хорошо зная о характере его довоенной деятельности в Ростове-на-Дону (к слову сказать, статья в «Википедии» полностью умалчивает о ней), напоминает об острой критике, которой он подвергал византийскую православную литературу в своих довоенных трудах. «Иконописный» портрет Максима Грека Н. Н. Покровский считает настолько же далеким от всестороннего освещения этой фигуры, как и противоположные историографические мнения о нем как турецком шпионе или же предателе (последнее умозаключение принадлежит А. А. Зимину, недовольному поведением Максима Грека на суде).

Подводя итог первому этапу работы Н. Н. Покровского как историка, углубленно занимавшегося проблемами истории Русской Православной Церкви, мы можем отметить, что в начале своего научного пути в середине 1950-х гг. он не слишком выделялся на общем фоне изучения Русской Православной Церкви и ее институтов как феодального собственника (не входя при этом в марксистский методологический раж). Удивительно, что позже, в конце 1960-х — начале 1970-х гг. ученый, вынужденно переживший 6 лет отлучения от науки, по-настоящему возобновивший профессиональную деятельность только в 1966 г. в Сибири, продемонстрировал высочайшую исследовательскую квалификацию археографа, источниковеда, текстолога и историка, работавшего на самом современном уровне, свободного в конкретной работе от штам-

⁶³ Покровский Н. Н. Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека. С. 90.

пов марксистской методологии, что тогда было присуще далеко не всем (хотя никакого открытого разрыва с ней он, понятно, не демонстрировал). Недавний политзаключенный упорно отстаивал в своих работах принцип научной объективности, ему была чужда любая предвзятость, искажавшая истину в угоду той или иной тенденции.

Осталось добавить, что к творчеству Максима Грека, которого стали называть преподобным за несколько столетий до канонизации, Н. Н. Покровский возвращался до конца своей жизни. Двум своим ученикам он дал связанные с ним исследовательские темы. А. Т. Шашков, которого Н. Н. Покровский назвал своим талантливейшим учеником, в 1982 г. защитил в Новосибирском государственном университете кандидатскую диссертацию «Сочинения Максима Грека в старообрядческой рукописной традиции и идеологическая борьба в России во второй половине XVII — первой половине XVIII в.»⁶⁴ Очень жаль, что она осталась неопубликованной. Филологу Л. И. Журовой, которая пришла в сектор археографии и источниковедения Института истории СО РАН в 1991 г., Н. Н. Покровский предложил исследовать творчество Максима Грека; он же посоветовал ей принять участие в издании его трудов, которое планировалось коллективом авторов во главе с Н. В. Сеницыной. В 2005 г. Л. И. Журова защитила докторскую диссертацию «Литературное наследие Максима Грека. Автор и текст»⁶⁵.

Список литературы

1. Загоровский В. П., Никитин Н. И. Обзор советской литературы 1969–1970 гг. по истории России эпохи феодализма // История СССР. 1972. № 2. С. 126–146.
2. Зольникова Н. Д. Н. Н. Покровский как исследователь. Новосибирск, 2015. С. 4–13.
3. Каждан А. П., Токарев С. А., Сахаров А. М., и др. Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.). Критические очерки. М.: Изд-во «Наука», 1967. 336 с.
4. Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 544 с.

⁶⁴ Покровский Н. Н. Анатолий Тимофеевич Шашков — историк, источниковед, археограф // Шашков А. Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 6.

⁶⁵ Итогом длительной исследовательской работы явились три крупные монографии: первый том трудов Святогорца — «Преподобный Максим Грек. Сочинения (публикация текстов, комментарии)». М., 2008. Т. 1 (Л. В. Журова в соавторстве); Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиция. Ч. 1. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008; ч. 2: Тексты. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001.

5. Казакова Н. А. Максим Грек в советской историографии // Вопросы истории. 1973. № 5. С. 149–157.
6. Казакова Н. А. О «Судном списке» Максима Грека // Археографический ежегодник за 1966 год. М.: Наука, 1968. С. 25–36.
7. Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л.: Наука, 1970. 300 с.
8. Казакова Н. А. Рец. на изд.: «Судные списки Максима Грека и Исака Собаки». М.: Изд-во ГАУ СССР, 1971. 180 с. // История СССР. 1973. № 2. С. 176–179.
9. Лихачев Д. С. Текстология. Краткий очерк. М.; Л.: «Наука», 1964. 102 с.
10. Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. Л.: Наука, 1983. 639 с.
11. Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. М.; Л., 1962. 605 с.
12. Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., и др. Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. 476 с.
13. Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973. 231 с.
14. Покровский Н. Н. Анатолий Тимофеевич Шашков — историк, источниковед, археолог // Шашков А. Т. Избранные труды. Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2013. С. 6–10.
15. Покровский Н. Н. Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1981. Т. 36. С. 80–102.
16. Покровский Н. Н. Сибирская находка: (Новое о Максиме Греке) // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 128–138.
17. [По поводу находки рукописного сборника с материалами о Максиме Греке: излож. докл. на заседании Археогр. комис. АН СССР 26 февраля 1969 г.] // Вопросы истории. 1969. № 4. С. 189–190.
18. Синицына Н. В. Максим Грек в России. М.: Наука, 1977. 332 с.
19. Синицына Н. В. Рец. на изд.: Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / изд. подг. Н. Н. Покровский // Вопросы истории. 1973. № 2. С. 153–156.
20. Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / изд. подг. Н. Н. Покровский. М.: ГАУ при СМ СССР, 1971. 185 с.
21. Щапов Я. Н. Княжеские уставы и Церковь в Древней Руси XI–XIV вв. / отв. ред. А. А. Зимин. М.: Наука, 1972. 340 с.

Natalya D. Zolnikova

NIKOLAY N. POKROVSKY AS A CHURCH AND EASTERN ORTHODOXY HISTORIAN. THE OUTSET

Abstract

In the given article we research the evolvement of an outstanding scientist N. N. Pokrovsky; since 1992 he has become an academician of RAS as the Russian Orthodox Church historian. Being a specialist in agricultural history of the Middle Ages in Russia he wrote his first paper in 1955, and touched only upon this particular aspect of the Church and its monasteries' functions in arguments with other proprietors. After 1968 when he had found the full Judgment List of Maximus the Greek and other related significant sources that became a discovery, N. N. Pokrovsky researched and published the new literary monument having entered the long-standing discussion concerning Maximus the Greek's life and work peculiarities as well as the history of the Russian Church and state in the beginning of the 16th century. Despite a forced long-time interruption in his scientific studies, N. N. Pokrovsky made the research of a highest historiographic level and involved all modern techniques of textual criticism. In the process of discussion he assaulted the tendentious corruptions typical of the historiography at that time.

Keywords: *Maximus the Greek, Nonpossessors, Orthodox Church, historiography, textology.*

References

1. Kazakova N. A., Lourie Ya. S. *Antifeodal'nye ereticheskie dvizheniia na Rusi XIV — nachala XVI veka* [Antifeudal Heretical Movements in Russia in the 14th — beginning of 16th century]. Moscow, Leningrad, AS USSR, 1955.
2. Kazakova N. A. Maksim Grek v sovetskoi istoriografii [Maximus the Greek in Soviet Historiography]. *Voprosy istorii — Questions of History*, 1973, pp. 149–157.
3. Kazakova N. A. *Oчерki po istorii russkoi obschestvennoi mysli. Pervaia tret' XVI v.* [The outlines on the History of Russian Social Ideas. A First Third of the 16th c.] Leningrad: Nauka, 1970.
4. Kazakova N. A. O "Sudnom spiske" Maksima Greka [About the Judgment List of Maximus the Greek]. *Arkheograficheskij ezhegodnik za 1966 god* [Archeographic Annual for 1966]. Moscow: Nauka, 1968, pp. 25–36.
5. Kazakova N. A. Rets. na izd.: "Sudnye spiski Maksima Greka i Isaka Sobaki" [Ref. on pub. Judgment Lists of Maximus the Greek and Isaac the Sobaka. Moscow, HAM USSR, 1971]. *Istoriia SSSR — History of USSR*, 1973, no. 2, pp. 176–179.
6. Kazhdan A. P., Tokarev S. A., Sakharov A. M. and others. *Tserkov' v istorii Rossii (IX v. — 1917 g.)*. *Kriticheskie oчерki* [Church in the Russian History (9th c. — 1917). Critical Outlines]. Moscow: Nauka, 1967.

7. Likhachev D. S. *Tekstologiya. Kratkii ocherk* [Textology. Brief outline]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964, 102 pp.
8. Likhachev D. S. *Tekstologiya. Na materiale russkoi literatury X–XVII vekov* [Textology. On the Basis of Russian Literature of 10th — 17th centuries]. 2nd edition. Moscow; Leningrad: Nauka, 1983, 639 pp.
9. Likhachev D. S. *Tekstologiya. Na materiale russkoi literatury X–XVII vekov* [Textology. On the Basis of Russian Literature of 10th — 17th centuries]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1962, 605 pp.
10. Novoseltsev A. P., Pashuto V. T., Cherepnin L. V. and others. *Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie* [Old Russian State and Its International Role]. Moscow: Nauka, 1965, 476 pp.
11. Pokrovskij N. N. *Aktovye istochniki po istorii chernososhnogo zemlevladieniia v Rossii XIV — nachala XVI v.* [Act Sources on the History of Chernososhny Type of Landowing in Russia in the 14th — beginning of the 16th c.]. Novosibirsk, 1973.
12. Pokrovskij N. N. Anatolij Timofeevich Shashkov — istorik, istochnikoved, arkeograf [Anatoly Timofeevich Shashkov — a historian, source-study expert, archeographer]. *Shashkov A. T. Izbrannye trudy* [Shashkov A. T. Selected works]. Ekaterinburg: Basko, 2013, pp. 6–10.
13. Pokrovskij N. N. *Sibirskaja nakhodka: (Novoe o Maksime Greke)* [Siberian Discovery: (New about Maximus the Greek)]. *Voprosy istorii — Questions of History*, 1973, no. 2, pp. 153–156.
14. Pokrovskij N. N. *Zamechaniia o rukopisi Sudnykh spisokov Maksima Greka* [Notes on the Manuscript of Judgment Lists of Maximus the Greek]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury — Transactions of the Department of Old Russian Literature*. Leningrad: Nauka, 1981, vol. 36, pp. 80–102.
15. *Po povodu nakhodki rukopisnogo sbornika s materialami o Maksime Greke: izlozh. dokl. na zasedanii Arkheogr. komis. AN SSSR 26 fevralia 1969 g.* [On the Discovery of Manuscript with Materials on Maximus the Greek: exposition of the report on the Archeographic Commission meeting of the Academy of Science of USSR on the 26th of February, 1969]. *Voprosy istorii — Questions of History*, 1969, no. 4, pp. 189–190.
16. Pokrovskij N. N. (ed.). *Sudnye spiski Maksima Greka i Isaaka Sobaki* [Judgment Lists of Maximus the Greek and Isaac the Sobaka]. Moscow, 1971.
17. Shchapov Ia. N. *Kniazheskie ustavy i Tserkov' v Drevnei Rusi XI–XIV vv.* [Princeling constitutions and the Church in Ancient Rus in the 11th — 14th cc.]. Moscow: Nauka, 1972.
18. Sinitsyna N. V. *Maksim Grek v Rossii* [Maximus the Greek in Russia]. Moscow: Nauka, 1977.
19. Sinitsyna N. V. *Rets. na izd.: Sudnye spiski Maksima Greka i Isaaka Sobaki / izd. podgot. N. N. Pokrovskij* [Ref. on pub.: Judgment Lists of Maximus the Greek and Isaac the Sobaka (ed. N. N. Pokrovsky)]. *Voprosy istorii — Questions of History*, 1973, no. 2, pp. 153–156.
20. Zagorovskij V. P., Nikitin N. I. *Obzor sovetskoi literatury 1969–1970 gg. po istorii Rossii epokhi feodalizma* [The Review of Soviet Literature of 1969–1970 on History of Russia during the Epoch of Feudalism]. *Istoriia SSSR — History of USSR*, 1972, no. 2, pp. 126–146.
21. Zol'nikova N. D. *N. N. Pokrovskij kak issledovatel'* [N. N. Pokrovsky as a Researcher]. Novosibirsk, 2015, pp. 4–13.